

Towards the Challenges of Cross-Cultural Research: Experience on COVID-19 Project

Valentina N. Burkova

Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia.
Email: burkovav[at]gmail.com

Received: 10 October 2022 | Revised: 20 December 2022 | Accepted: 27 December 2022

Abstract

Anthropologists and psychologists engaged in cross-cultural research face numerous methodological challenges. These studies aim to identify universal behavioral traits across all populations on Earth, as well as culturally specific features. This article attempts to describe and comprehend the main problems that researchers encounter while carrying out such projects, using specific examples from the author's field practice. The primary example is data from a large-scale cross-cultural project that studied anxious, aggressive, and empathic behavior during the COVID-19 pandemic in 23 countries worldwide. Existing experience in cross-cultural research demonstrates how various terms and concepts transform under the influence of globalization processes. On the one hand, cultural boundaries become less defined, while on the other hand, the desire for self-identity strengthens. Familiar biological and social constructs such as sex or marital status are modified and require new understanding and analysis. Thanks to the methods of social anthropology and the anthropological approach to humans as biosocial beings, the data obtained can be interpreted, taking into account the cultural specifics and behavioral norms of each society.

Keywords

Cross-Cultural Research; Methodological Problem; Cross-Cultural Translation; Social Anthropological Method; Pandemic; COVID-19

This work is licensed under a [Creative Commons "Attribution" 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

К вопросу о сложностях кросс-культурных исследований: опыт работы по проекту COVID-19

Буркова Валентина Николаевна

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук. Москва, Россия.

Email: burkovav[at]gmail.com

Рукопись получена: 10 октября 2022 | Пересмотрена: 20 декабря 2022 | Принята: 27 декабря 2022

Аннотация

Антропологи и психологи, занимающиеся кросс-культурными исследованиями, сталкиваются с многочисленными проблемами, связанными с методологическими особенностями такого рода работ. Основная цель таких исследований – выделить универсальные особенности поведения для всех популяций на земле, а также охарактеризовать культурно-специфические черты. В представленной статье предпринята попытка описать и осмыслить основные проблемы, с которыми сталкивается исследователь при проведении такого рода проектов, на конкретных примерах из полевой практики автора. В качестве основного примера использованы данные масштабного кросс-культурного проекта по изучению тревожного, агрессивного и эмпатичного поведения во время пандемии COVID-19, в котором приняли участие 23 страны мира. Имеющийся опыт проведения кросс-культурных исследований показывает, как трансформируются различные термины и понятия под влиянием глобализационных процессов, как, с одной стороны, стираются границы между культурами, с другой стороны, усиливается стремление к самоидентичности. Привычные биологические и социальные конструкты (например, пол или семейное положение) модифицируются и требуют нового осмысления и анализа. Благодаря методам социальной антропологии и в целом антропологическому подходу к человеку как биосоциальному существу полученные данные можно интерпретировать, учитывая культурную специфику и нормы поведения каждого общества.

Ключевые слова

кросс-культурные исследования; методологические проблемы; кросс-культурный перевод; методы социальной антропологии; пандемия; COVID-19

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Исследователи-антропологи и психологи, занимающиеся кросс-культурными исследованиями, сталкиваются с многочисленными проблемами, связанными не только со сложностями технического перевода различных понятий и явлений, которые их интересуют, на различные языки, но и с тем, что норвежский антрополог Т.Х. Эрикссон назвал переводом невербальных действий (Eriksen, 2004).

Начиная с 50-х годов XX века предпринимались попытки определить так называемый кросс-культурный метод, предлагавшие кросс-культурным антропологам и психологам принять трехэтапную процедуру для обеспечения сопоставимости поведения в разных культурах (Berry, 1969). По сути речь шла о том, чтобы использовать традиционный сравнительный метод антропологов для психологического использования, так как, несмотря на различия в данных научных направлениях, существуют общие проблемы сравнений между культурными, социальными и поведенческими системами.

В настоящее время кросс-культурные исследования приобретают все более масштабный размах в силу всеобщей глобализации, активного развития коммуникаций и доступности данных. Ученые из разных стран объединяются в многочисленные группы, чтобы исследовать самые разные проблемы, сравнивая культуры между собой и пытаясь выделить универсальные и культурно-специфические черты. По данным научного портала scholar.google.com, только по запросу “cross-cultural research” уже опубликовано более 3,5 млн. научных работ.

История вопроса

Сравнительный подход в антропологии ведет свою историю с антропологов-эволюционистов, однако он был довольно быстро дискредитирован и заменен в конце 1890-х гг. историческим методом под влиянием классика антропологии Ф. Боаса. Главным и весьма весомым аргументом критики эволюционистов был тот факт, что все свои сравнительные изыскания эволюционисты вели, не проводя полевой работы (Berry, 1969). Именно Ф. Боас и его ученики (в первую очередь М. Мид и Р. Бенедикт) создали и применили на практике теорию культурного релятивизма с ее традицией акцентирования культурной изменчивости и проверки кросс-культурной валидности. С тех пор идеи о том, что никакая культура не лучше и не правильнее других, а также о том, что люди видят мир через призму своей собственной культуры и судят в соответствии со своими собственными нормами и представлениями, широко принимаются культурными антропологами и психологами, работающими в области кросс-культурных исследований (Butovskaya, 2022).

Появление функционализма в 1920-х гг. в антропологии эту тенденцию только подкрепило. Представитель данного направления в антропологии и классик полевых исследований Б. Малиновский считал, что каждую культуру стоит рассматривать и понимать в ее собственных терминах и контекстах, и межкультурное сравнение просто невозможно (Malinowski, 1922). Данное противоречие получило название дилеммы Малиновского.

Культурный релятивизм Боаса, позже расширенный и распространенный американским антропологом М. Херсковицом, был менее критичен и в первую очередь предостерегал от неверных межкультурных сравнений, приправленных этноцентрическими оценочными суждениями (Butovskaya, 2022).

В послевоенные годы К. Клакхон предложил решение этой дилеммы, указав что «подлинное сравнение возможно только в том случае, если выделены не связанные с культурой единицы» (дано по Berry, 1969, с. 121; Kluckhohn, 1953). Речь шла о том, насколько возможно отделить универсальные черты культуры, обусловленные общечеловеческими закономерностями в биологии, психологии и процессах социального взаимодействия. Основываясь на этих чертах (исходных точках), можно проводить кросс-культурные сравнения.

У. Гольдшмидт сместил фокус для решения этой дилеммы, заключив, что причина несравнимости различных институтов в обществе состоит в том, что они несовместимы от культуры к культуре (каждая культура определяет свои собственные институты), но, если мы будем изучать сами социальные проблемы и их решение, мы увидим, что они повторяются в каждом обществе (Goldschmidt, 1966). Необходимо сравнивать функции, которые данные институты выполняют в обществе.

Для кросс-культурных психологов дилемма Малиновского сместилась в сторону поведенческой терминологии – каждую поведенческую систему следует понимать в ее собственных терминах; каждый аспект поведения следует рассматривать в связи с его поведенческой средой (экологическим, культурным и социальным фоном) (Berry, 1969). Из этого следует, что сравнение поведения при различных поведенческих установках по существу является ложным предприятием, так как сравнивается несопоставимое.

Human relations area files

В 1930-х гг. XIX века Институт человеческих отношений Йельского университета (Institute of Human Relations at Yale University) осуществлял общую программу исследований в области социальных наук и в 1937 г. провел одно из первых кросс-культурных исследований, показавших, что богатые ресурсы этнографии (многочисленные разрозненные архивы в виде полевых дневников, записок, зарисовок, публикаций и пр.), потенциально представляющие неопределимую ценность для работников смежных областей, практически недоступны для них. Работая в лаборатории, клинике или каком-либо

сообществе, психологи, социологи и другие ученые часто обращались к культурным антропологам за сравнительными данными по различным аспектам поведения первобытных народов (Murdock, 1940). Однако и для самих антропологов это была далеко не легкая задача – они обнаружили, что обычно могут привести ограниченное число случаев из своих собственных знаний (зачастую не репрезентативных и возможно не достоверных), а в некоторых вопросах такие знания были существенно ограничены. Кроме того, имеющиеся данные нигде не были обобщены, и для их сбора пришлось бы проштудировать огромное количество литературы (более того, многое не было опубликовано). Стало очевидным, что для эффективного использования этих наук необходимо организовать репрезентативную выборку культурных материалов о различных обществах мира, разработав стандартную систему классификации собранных данных (Murdock, 1940). После шести месяцев предварительных исследований в 1938 г. был опубликован «Очерк культурных материалов» (Murdock et al., 1987), представляющий собой руководство по организации и хранению имеющейся информации, а также систему ссылок на уже классифицированные и сохраненные данные. Далее сотрудники «Кросс-культурного исследования» занимались фактическим сбором данных и его систематизацией. В настоящее время многим ученым известен и активно используется так называемый атлас Мердока.

В 1949 г. Йельский университет на основе собранных коллекций основал некоммерческую организацию Human Relations Area Files (HRAF), в которую входят университеты, колледжи, библиотеки и исследовательские институты со всего мира. Ее миссия состоит в том, чтобы способствовать пониманию культурного разнообразия и общности в прошлом и настоящем. Сегодня HRAF занимается разработкой динамических, экспертно индексированных баз данных; особое место занимают базы данных eHRAF World Cultures и eHRAF Archeology, начало которым положил проф. Дж. Мердок с коллегами. HRAF создает научные ресурсы и инфраструктуру для научной деятельности, преподавания и обучения, а также поддерживает и проводит оригинальные исследования межкультурных различий¹.

Культурные измерения «индивидуализм / коллективизм» и «жесткость / свобода»

Согласно современным взглядам, кросс-культурная психология и антропология должна быть поликультурной и инклюзивной, менее ориентированной на Запад, включающей в себя множество способов изучения культуры как важного контекста психологического развития и поведения человека (Segall et al., 1998; Butovskaya, 2022).

¹ <https://hraf.yale.edu/about/>

При проведении кросс-культурного анализа, специалисты пытаются систематизировать полученные данные с использованием различных классификаций культур или культурных измерений. Один из удачных примеров – это теория индивидуализма / коллективизма, предложенная Дж. Хофстеде и модифицированная другими исследователями (Hofstede 2001; House et al. 2004). Данная теория предполагает, что представители коллективистских культур в значительной степени полагаются на тесные внутригрупповые отношения и исходят из применимости какого-либо поведения как общественного блага, тогда как люди из индивидуалистических обществ очень независимы и испытывают сильное чувство автономии внутри группы и ориентированы на благо индивидуума (Феденок & Буркова 2020; Guan et al. 2020). Различия между данными типами культур проявляются в самых разных направлениях. Изначально основные противоречия между этими двумя культурными моделями были призваны объяснить связь с внешними переменными, такими как экономическое процветание (House et al. 2004). Однако в настоящее время данную классификацию применяют для объяснения различных аспектов культурных различий, включая социальную жизнь, семейные ценности, отношение к власти и т.д. Во время пандемии COVID-19 при помощи данной классификации объяснялись как различия в применяемых мерах со стороны правительств, так и отличия в поведении населения. В коллективистских странах правительства изолировали целые города (например, в Китае) и мобилизовали ресурсы со всей страны для поддержки карантинных районов, хотя подобные действия создавали значительные издержки и проблемы для людей (Guan et al. 2020). В то же время в индивидуалистических странах меры широко варьировали от страны к стране (и даже от региона к региону, как например, в различных штатах США), в том числе в зависимости от общественного резонанса и уровня доверия правительству; не утихали споры о том, что важнее – свобода или безопасность. Индексы коллективизма / индивидуализма по различным странам можно найти в свободном доступе на ресурсе <https://www.hofstede-insights.com>

Культурное измерение «свобода / жесткость» различных обществ также оказалось хорошо «работающей» классификацией, изначально основанной не на экономических факторах, а на факторах культурных и связанных с терпимостью к отклонению от принятых норм поведения (Gelfand et al. 2011). Жесткая (tight) культура оставляет мало места для личной свободы и создает сильное давление со стороны окружающих (осуждение) в случае нарушения каких-либо принятых норм и традиций, тогда как свободная (loose) культура предоставляет членам общества большую свободу выбора. Данная дихотомия является частью сложной, многоуровневой системы, на которую влияют исторические, социальные, политические, экологические факторы (например, высокая плотность населения, нехватка ресурсов, история территориальных конфликтов, болезни и экологические угрозы, широкая или узкая социали-

зация в социальных институтах (автократия, регулирование СМИ) и т.д.). Данная дихотомия также имеет тесную связь с политическим устройством – жесткие общества подавляют инакомыслие и контролируют социальный порядок (Gelfand et al. 2011). На фоне пандемии в таких культурах (например, Китай, Пакистан, Сингапур, Южная Корея) вводились строгие правила поведения для населения и наказания за их неисполнение (Феденок & Буркова 2020; Ankel 2020). В свободных культурах (Австралия, Испания, США, Нидерланды и др.) государственные власти действовали методами убеждения, и только после повсеместного ухудшения эпидемиологической обстановки вводили более жесткие меры (Феденок & Буркова 2020). Индексы свободы/ жесткости можно найти в работах М. Гельфанд и соавторов, по результатам проведенных исследований в 33-х странах мира (Gelfand et al. 2011), в работе И. Уза по 68-ми странам (Uz, 2015). В своей недавней работе М. Гельфанд обсуждала культурную жесткость (ограниченность), характеризующуюся строгими социальными нормами и наказаниями, как одну из ключевых адаптаций, которая помогает группам координировать свои действия, чтобы противостоять коллективным угрозам (Gelfand, 2020). В данном ключе обсуждалось и культурное противостояние на фоне COVID-19 – с одной стороны, в случае, когда коллективная угроза реальна, но есть сопротивление ужесточению, с другой стороны, существует рост популистских движений (когда преувеличение угрозы приводит к ненужному ужесточению).

Методологические трудности кросс-культурных исследований

Кросс-культурные исследования имеют определенные методологические проблемы, связанные с качеством перевода и сопоставимостью результатов в различных культурных и этнических группах. Помимо непосредственного перевода с одного языка на другой, необходимо адаптировать любую анкету или опрос в культурно значимой и понятной форме, сохраняя при этом смысл и назначение исходных элементов.

Если опросник разрабатывается «с нуля», возможно использование сразу двух или более языков при постоянном взаимном обсуждении участников исследования. В основе этого подхода лежит предположение, что ни один из языков не является первичным (исходным языком), что дает возможность более точно согласовать две версии (Sperber, 2004).

Однако зачастую исследователи используют уже созданные и апробированные на различных выборках опросники. Большинство анкет переводятся с английского, и многие методологи указывают, что в данном случае существует потенциальная проблема этноцентризма или того, что в кросс-культурных исследованиях называют культурной гегемонией (Sperber, 2004). Как правило, опросники создаются и апробируются в западных странах

(преимущественно, это страны Западной Европы, США, Канада), однако при попадании в общества, ведущие более традиционный образ жизни или из контрастного региона, могут совершенно «не работать» или требуют существенных изменений и дополнений. Так, например, при подготовке к проводимому нами кросс-культурному исследованию родительских инвестиций изначальный вопрос, разработанный американскими психологами на основе проведенных в США исследований, звучал как «Мой отец следил за исправностью нашей машины» с градацией ответов от «никогда» до «всегда». Однако в российской действительности далеко не каждая семья имеет машину, поэтому вопрос был трансформирован в более широкий вариант «Следил за исправностью нашей машины/бытовых приборов». Аналогичные корректуры были сделаны в странах Ближнего Востока, Африки и Азии, участвующих в исследовании. Схожим образом мы модифицировали вопросы относительно взаимодействия детей в школе – если в индустриальных странах классические психологические опросники не вызывают вопросов, в традиционных культурах Африки (в нашем случае это были дети и подростки охотников-собирателей *хадза* и скотоводов *датога* из Танзании), где дети зачастую просто не ходят в школу, вопросы про поведение детей в школе были трансформированы в вопросы про взаимодействие со сверстниками в пределах социальной группы (Butovskaya et al., 2019, 2020).

При проведении классического полевого исследования данная проблема решается путем уточнений в личной беседе / интервью и использованием невключенного наблюдения за взаимодействием людей. При проведении количественного опроса, когда нет возможности опросить каждого участника, наиболее точным является проведение пилотного исследования с применением обратной связи (участникам предлагается внести собственные исправления в опросник или указать на некорректные вопросы). Большую часть коррекционной работы проводит сам исследователь-представитель определенной страны как внутренний эксперт.

Для устранения проблем непосредственного перевода с одного языка на другой широко используется метод обратного перевода. Вопросник переводится на нужный язык одним переводчиком, а затем переводится обратно на исходный язык независимым переводчиком, который не знает оригинала текста. Затем сравниваются две версии на исходном языке (Brislin, 1973; Sperber, 2004). Оптимальным вариантом будет, если данную процедуру осуществят несколько человек. Далее происходит психометрический анализ новой версии опросника с применением статистических методов.

От переводчика требуется определенный навык и понимание требований к переводу для кросс-культурных исследований; например, существуют потенциальные культурные различия в интерпретации многих терминов. Так, термин «семья» может толковаться сходным образом в разных обществах (хотя в разных культурах семья может относиться к родственникам первой

степени родства, тогда как в других культурах она может быть гораздо шире), а термин «подростковый возраст» — нет (Jones et al., 2011; Sperber, 2004). С проблемой классификации возрастных групп мы столкнулись при проведении исследования влияния пола, происхождения и возраста на антропологический индекс 2D:4D (пальцевой индекс) при сравнении трех больших популяций европейского, африканского и азиатского происхождения¹ (Butovskaya et al., 2021a). Один из рецензентов журнала *Scientific Report*, где впоследствии была опубликована данная работа, попросил указать, на чем основывалось использованное нами разделение на три возрастные группы, отметив, что возраст вступления в подростковый период может широко варьировать от региона к региону, а также на индивидуальной основе. Всемирная организация здравоохранения в своих документах использует очень широкий диапазон в качестве термина «подростковый возраст» — от 10 до 19 лет, разделяя его на две подгруппы — 10–14 лет и 15–19 лет². В российской традиции согласно широко распространенной периодизации психического развития Д. Б. Эльконина подростковый период приходится на возраст от 12 до 17 лет и делится на две более узкие группы (Эльконин, 2004).

Также, например, при изучении вкусовых предпочтений, которые, казалось бы, должно быть одинаковыми в разных культурах в силу биологических факторов, было обнаружено, что представители западных культур находят горький вкус особенно неприятным, чего не наблюдалось в традиционных обществах (Sorokowska et al., 2017). Культурные факторы играли важную роль в питании и влияли на индивидуальные предпочтения в еде.

Опыт проведения кросс-культурного исследования поведения человека во время COVID-19

Пандемия COVID-19 изменила жизнь во многих уголках нашей планеты. Развернувшийся по всему миру кризис в области здравоохранения, попытки найти вакцину, вводимые ограничения и изоляция, перестройка привычного образа жизни, перевод многих сфер жизни в онлайн пространство привели к множеству психологических проблем у населения разных стран — повышение тревожности, увеличение стресса, гнев, выгорание и пр. (см. Brooks et al., 2020; Burkova et al., 2021; Burkova et al., 2022; Rodríguez et al. 2021 и др.).

Кросс-культурные различия проявились на стадии принятия профилактических мер против распространения COVID-19. Государства разделились на три основные группы: первые приняли самые строгие меры (например, Китай и его политика «нулевой» терпимости, Тайланд, Япония, Тайвань,

1 Здесь отдельно стоит отметить различные культурные традиции в научной терминологии: в российской антропологической традиции предпочитают использовать названия трех больших рас (европеоиды, негроиды, монголоиды), тогда как в западной науке в последние годы наблюдается предпочтение термину «происхождение» (европейское, африканское, азиатское)

2 См. например <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/adolescent-mental-health>

Южная Корея), вторые практиковали более умеренные ограничения, изменяющиеся в зависимости от эпидемиологической обстановки (Россия и многие страны Европы, США), третьи практически не вводили никаких ограничений (Беларусь, Швеция). Успешность принятых мер и лучшего пути остается дискуссионной темой. Во многих случаях ограничительные меры и реакция населения разделились в зависимости от уровня индивидуализма / коллективизма, жесткости/свободы обществ, в которых проводились исследования (подробнее см. Феденок & Буркова, 2020; Burkova et al., 2021; Gelfand et al., 2011; Hofstede, 2001).

В 2020 г. наша исследовательская группа из Центра кросс-культурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН объединила ученых-антропологов и психологов из 23 стран мира, чтобы провести кросс-культурное исследование тревожного, агрессивного и эмпатического поведения на фоне пандемии COVID-19 и проанализировать уровень адаптации населения к стрессу, вызванному новым вирусом. Подробные результаты исследования поведения во время пандемии описаны в наших работах (Буркова и др., 2021, 2021,б,в; Burkova et al. 2021; Butovskaya et al. 2021b; Burkova et al. 2022). Общая выборка составила 15375 участников из 23 стран мира: семь европейских стран (Беларусь, Болгария, Хорватия, Венгрия, Италия, Румыния, Россия), одиннадцать стран Азии (Армения, Индия, Индонезия, Иран, Ирак, Иордания, Малайзия, Пакистан, Саудовская Аравия, Таиланд, Турция), две африканских страны (Нигерия и Танзания), три страны из Северной, Южной и Центральной Америки (Бразилия, Канада, США). Таким образом, нам удалось охватить страны почти со всех континентов, имеющих зачастую противоположные нормы и традиции. Исследование продолжается по настоящее время – собраны новые данные спустя год после проведения первого этапа исследования, идет анализ результатов.

Респонденты перед началом опроса давали письменное добровольное согласие, протокол исследования был утвержден Ученым советом Института этнологии и антропологии Российской академии наук в соответствии с принятыми международными нормами (в соответствии с этическими стандартами и Хельсинской декларацией о биомедицинских исследованиях с участием человека). Данный протокол с описанием проекта, включая методологию, ограничения и условия проведения, был предоставлен ученым из 23 стран, на основе которого они получали собственные разрешения на проведение исследования в их странах (если такая необходимость имелаась). Надо сразу отметить, что данная процедура имеет в некоторых странах довольно формальный характер, тогда как в европейских странах, США и Канаде мы давали гораздо более расширенную информацию о проекте, и наши коллеги получали дополнительные разрешения.

Сложности кросс-культурного исследования стали проявляться на самом первом этапе – подготовке вопросов опросника и проведении пилотного сбора материала с целью выявления кросс-культурных методологических различий.

Самый стандартный вопрос, с которого начинается любая анкета – пол респондента. Именно с этого, казалось бы, простого вопроса и начались первые трудности. В итоговую версию определенных стран (США, Канада, часть европейских стран) было внесено две категории – 1) пол как биологическая категория (sex) с тремя вариантами ответа (мужчина, женщина, другое), и 2) гендерная идентичность (мужчина, женщина, трансгендер-мужчина, трансгендер-женщина, небинарный гендер (Genderqueer), вариант «предпочитаю не говорить» и другое). С другой стороны, в ближневосточных странах (Ирак, Иран, Иордания, Саудовская Аравия, Пакистан) исследователи попросили, напротив, сузить данную формулировку до одной категории – пол (мужчина, женщина, другое), а в некоторых из этих стран был убран и вариант «другое». Стоит отметить, что первый вариант предпочитали индивидуалистские и более свободные в отношении соблюдения правил страны, второй – коллективистские и жесткие к нарушениям норм и традиций. В итоговой выборке при анализе мы использовали первую категорию – пол как биологический конструкт.

Далее схожая вариативность проявилась в вопросе семейного статуса. В России в первичной версии опросника было представлено 5 вариантов ответа (холост/одинок, женат/замужем, разведен/на, вдовец/вдова, другое), но после проведения пилотного исследования была введена категория «гражданский брак/живем вместе». В США и Канаде данный вопрос расширился до 10 вариантов ответа (холост/одинок, в отношениях, в однополых отношениях – но не живем вместе, в однополых отношениях – живем вместе, помолвлены – но не живем вместе, помолвлены – но живем вместе, женат/замужем, разведен, вдова/вдовец, другое). Однако при обобщении данных часть категорий были объединены (в отношениях, в однополых отношениях – живем вместе, помолвлены – но живем вместе), поскольку целью исследования было зафиксировать условия проживания человека – живет ли он один или с кем-то, не вдаваясь в подробности личных предпочтений. С другой стороны, снова в коллективистских и традиционных странах (Ближний Восток, африканские страны, часть азиатских стран) исследователи попросили убрать из опросника категорию «в отношениях/встречаемся»; таким образом, осталось 5 вариантов (холост/одинок, женат/замужем, разведен/на, вдовец/вдова, другое). Результаты исследований также показали, что в ближневосточных странах вариант «разведен» практически никогда не выбирался респондентами, что, несомненно, связано с традиционными ценностями и нормами поведения в данных культурах.

Отдельная дискуссия развернулась с американскими и канадскими коллегами по поводу вопроса об этническом происхождении респондентов

(во всех остальных странах хорошо понималась категория этничность). В США была введена дополнительная категория «происхождение», которая имела 6 возможных ответов: американцы азиатского происхождения, афроамериканцы, латиноамериканцы, индейцы, гавайцы, белые американцы неиспанского происхождения, мультирасовое происхождение, другое. Схожие проблемы с определением происхождения наблюдались в Бразилии с огромным по численности расово-смешанным населением. Исследователи отмечают, что в Бразилии вопросы идентичности имеют более сложный характер, чем в США, так как здесь идентичность не определяется происхождением (как в США в соответствии с законом «о капле крови¹»), а идентифицируется фенотипом (цветом волос, глаз, кожи, формой волос, носа и т.д.) (Harris et al., 1993). Согласно официальной статистике, данный вопрос звучит в переписи населения как «Какого вы цвета?» (Telles, 2001). Поскольку в задачи нашего кросс-культурного проекта не входило исследование расовых различий внутри страны, мы отказались от этого вопроса в некоторых странах.

Сложной категорией оказался вопрос про уровень образования – системы образования отличаются в разных странах, и категоризировать их во что-то единое оказалось сложно, как и в целом определить их соотносимость друг с другом, что в итоге привело к тому, что данные по этому вопросу не имели статистических различий и не использовались нами при анализе результатов.

Поскольку одной из задач исследования было определить степень влияния различных ограничений и запретов, введенных на государственном уровне во время пандемии, мы предложили респондентам ряд вопросов, касающихся их отношения к принятым мерам. Например, в опрос были включены такие вопросы: «Как Вы считаете, кто виноват в сложившейся ситуации, связанной с распространением коронавируса в вашей стране?» (с открытым вариантом ответа), «Считаете ли Вы правомерными действия властей по режиму самоизоляции?», «Достаточно ли были вводимые меры и ограничения?», «Доверяете ли Вы информации, идущей из официальных источников (правительству)?». Вариативность ответов на подобные вопросы изменялась от страны к стране в зависимости от тяготения к индивидуалистскому или коллективистскому типу культуры, а также политической обстановки и действующего режима. В ряде стран (Танзания, Беларусь, Иран) часть таких вопросов были удалены или имели необязательный характер. Так, например, на момент проведения исследования в Танзании действующим президентом был Джон Магуфули, знаменитый своей политикой подавления оппозиции, закрытия независимых СМИ, подавлением некоторых конституционных

1 Принцип социальной и правовой классификации населения, принятый в ряде штатов США в первой половине XX века. Согласно этому принципу человек с хотя бы одним чернокожим предком по отцовской или материнской линии («одна капля чёрной крови») должен был считаться чернокожим сам, независимо от его фактического цвета кожи. В настоящее время люди смешанных рас имеют выбор принадлежности к расе отца или матери, при этом некоторые предпочитают считать себя принадлежащими к мультирасовой (мультиэтнической) группе.

свобод. При таком довольно жестком режиме, установившемся в стране, респонденты не готовы были подвергать сомнению действия власти, опасаясь за свою безопасность, в связи с чем часть вопросов была исключена из танзанской версии опросника по просьбе исследователей. Отдельно стоит отметить, что данный случай стал хрестоматийным – Джон Магуфули, «потратив немало сил на борьбу с профилактикой новой инфекции, в конце концов сам пал жертвой COVID-19» (Артеев, 2022).

Данный пример, равно как и ситуация в Беларуси, Пакистане, Иране и некоторых других странах, показал, что важнейшим фактором адаптации общества к глобальному стрессу и масштабным переменам является фактор доверия к власти, а также политическая обстановка в целом. Наши результаты показывают, что от этого напрямую зависит то, как люди будут исполнять предписания государственных санитарных служб, выполнять те ограничения и запреты, которые накладывает государство во время пандемии (Буркова и др., 2021, 2022в; Феденок & Буркова, 2020). К примеру, чем больше люди доверяли своему правительству, тем лучше они были осведомлены о предпринимаемых мерах и лучше исполняли предписанные ограничения, например, соблюдали социальную дистанцию (Феденок & Буркова, 2020). Более высокий уровень доверия к правительству в отношении контроля пандемии COVID-19 был в значительной степени связан с более высоким соблюдением мер по частому мытью рук, избеганию людных мест и социальной изоляции/карантина в другом масштабном лонгитюдном исследовании (Han et al., 2021). Там же была отмечена значительная положительная связь между доверием к правительству и готовностью к просоциальному поведению, которое помогало контролировать пандемию COVID-19. Неудовлетворенность реакцией правительства на распространение эпидемии приводила к усилению дистресса среди населения (Mækelæ et al., 2020). Различные способы принятия решений в связке с таким показателем как «дистанцированность власти»¹ имели большое влияние на прогресс в борьбе с COVID-19 на национальном уровне: в коллективистских странах с высокой дистанцированностью власти решения принимались в централизованном порядке (например, повсеместное закрытие школ и университетов в Китае), тогда как в индивидуалистских культурах с низким уровнем дистанцированности власти решения принимали на региональном уровне (например, в США на первом этапе распространения COVID-19 каждая школа и университет принимали это решение самостоятельно) (Guan et al. 2020).

На фоне распространяющейся пандемии вопрос доверия/недоверия к власти «заиграл новыми красками». Если в России в целом всегда наблюдалось недоверие к официальным системам как способ адаптации и мировоззренческая позиция, среди европейцев пандемия произвела «тектонический

1 Степень, с которой облечённые меньшей властью члены организаций и институционализированных групп принимают неравное распределение власти и ожидают этого неравенства (Hofstede, 2001)

сдвиг: от априорного доверия к собственным демократиям – к откровению, что все это была иллюзия демократии, за считанные месяцы обернувшаяся глобальным «фашизмом» с тотальным контролем, цензурой, принуждением к участию в медицинских экспериментах, массовой идентификацией и фактическому крушению национальных государств в пользу транснациональных корпораций» (Банников, 2022, с. 194). Можно не соглашаться с позицией социального антрополога К. Л. Банникова, однако наши результаты показывают, что в демократических, индивидуалистских, более свободных странах уровень тревожности на фоне пандемии был существенно выше, чем в странах коллективистских, и даже автократических (Burkova et al., 2021, 2022). Дискуссия «Что важнее – безопасность или свобода?» не утихает в этих странах по настоящее время.

Сложная политическая ситуация наложила определённые ограничения на проведение нашего исследования спустя год после первоначального сбора данных, когда мы решили сделать второй срез данных для сравнения. Так, в Беларуси беспорядки и напряжённая ситуация в стране, сложившаяся после выборов президента, привели к тому, что у мужчин и женщин уровень тревожности имел более высокие оценки в период второй и третьей волн распространения коронавирусной инфекции в Беларуси (Каспарова и др., 2021). В данном случае отделить, какая именно доля тревожности приходится на последствия выборов, а какая была связана с пандемией, не представляется возможным.

Схожая ситуация наблюдалась и в США – ограничения на передвижение во время второй волны ковида вводились на фоне обострения расовой напряжённости, протестов и беспорядков, связанных с президентскими выборами. Стихийные бедствия в ряде районов страны также значительно повысили уровень стресса у части населения. При этом, данные по России, которые показывают статистически значимое снижение уровня тревожности от первой волны к третьей (Буркова и др., 2021), и данные по другим странам (Bendau et al., 2021; Fruehwirth et al., 2021; Vahratian et al., 2021) дают основания полагать, что в условиях нормальной политической обстановки в США и Беларуси также наблюдалось бы снижение уровня тревожности. Спустя год после начала пандемии люди сумели адаптироваться к новым условиям и стали возвращаться к допандемийной психологической норме по уровню тревожности.

Интереснейшая работа в данном ключе была проведена американскими и польскими психологами – они изучили психологические и политические последствия этой беспрецедентной пандемии (Karwowski et al., 2020). Результаты исследования, проведенного в США и Польше накануне выборов, показали, что активизация размышлений о коронавирусе повышала тревогу американцев и поляков и косвенно способствовала их социальному консерватизму, а также поддержке более консервативных кандидатов в президенты. Полученная картина была последовательна в обеих странах и, по сути, пока-

зала, что пандемия может привести к изменению политических взглядов (Karwowski et al., 2020).

Выводы

В данной работе предпринята попытка охарактеризовать на конкретных примерах исследований, проводимых с участием автора статьи, проблемы, с которыми сталкивается ученый, решивший провести кросс-культурное сравнение. Стоит отметить, что важным фактором минимизации возникающих проблем и коррекции методологических ошибок является профильное образование исследователя. Полагаем, что социальная антропология – лучшая специализация, которая может помочь при решении столь сложной задачи. Данная наука базируется на выделении универсальных и культурно-специфических черт в разных обществах мира, стремится понять культуру изнутри, не навязывая ярлыков и интерпретаций с позиции культуры самого исследователя, формирует ценностные гуманистические установки, основанные на признании многообразия и равенства народов и культур. Благодаря методам социальной антропологии и в целом антропологическому подходу к человеку как биосоциальному существу, можно интерпретировать эти культурные нюансы и трансформации, выделять универсальные черты, присущие всем популяциям на земле, одновременно фокусируясь на культурно-специфических особенностях, учитывая их уникальность и находя объяснения для них, «сохраняя критическое отношение к возможности быстрых решений и простых ответов на сложные вопросы» (Eriksen, 2004).

Имеющийся опыт проведения кросс-культурных исследований показывает, как трансформируются различные термины и понятия под влиянием глобализационных процессов, как с одной стороны стираются границы между культурами, с другой стороны усиливается стремление к самоидентичности. Мультикультурализм соседствует с движениями за права народов, ведущих традиционный образ жизни, изначально биологическая характеристика пола модифицируется в социальный конструкт и требует нового осмысления и анализа.

Основными проблемами кросс-культурных исследований остаются проблемы перевода культурных понятий с одного языка на другой и их контекстное значение, избегание этноцентрических оценочных суждений при интерпретации полученных данных, и более того, интерпретация результатов в рамках норм и традиций данной культуры, а не общепринятых «европейских» ценностей. Исследователи сталкиваются с различными этическими проблемами и должны быть крайне осторожны, чтобы избежать потенциальных проблем с культурными и религиозными запретами. Особое значение представляют работы, ведущиеся в традиционных культурах Азии, Африки и Америки среди народов, ведущих отличный от европейского образ

жизни. К настоящему времени пласт таких исследований существенно расширился, в том числе за счет появления местных ученых-антропологов и психологов. Возрастающее количество работ в данной области показывает, что современные данные о многих аспектах человеческого поведения имеют универсальный характер, а многочисленные социальные, экономические, экологические, политические и исторические факторы вносят свой вклад в культурную изменчивость. Кросс-культурные знания, получаемые в результате подобных исследований, способствуют межкультурному взаимопониманию в мире растущей глобальной взаимозависимости и имеют значение для моделирования культурных изменений в будущем.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

Список литературы

- Ankel, S. (2020). As China lifts its coronavirus lockdowns, authorities are using a color-coded health system to dictate where citizens can go. Here's how it works. Business Insider. <https://www.businessinsider.com/coronavirus-china-health-software-color-coded-how-it-works-2020-4>
- Bendau, A., Kunas, S. L., Wyka, S., Petzold, M. B., Plag, J., Asselmann, E., & Ströhle, A. (2021). Longitudinal changes of anxiety and depressive symptoms during the COVID-19 pandemic in Germany: The role of pre-existing anxiety, depressive, and other mental disorders. *Journal of Anxiety Disorders*, 79, 102377. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2021.102377>
- Berry, J. W. (1969). On Cross-Cultural Comparability. *International Journal of Psychology*, 4(2), 119–128. <https://doi.org/10.1080/00207596908247261>
- Brislin, R. (1973). Questionnaire wording and translation. *Cross-Cultural Research Methods*, 32–58.
- Brooks, S. K., Webster, R. K., Smith, L. E., Woodland, L., Wessely, S., Greenberg, N., & Rubin, G. J. (2020). The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence. *The Lancet*, 395(10227), 912–920. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8)
- Burkova, V. N., Butovskaya, M. L., Randall, A. K., Fedenok, J. N., Ahmadi, K., Alghraibeh, A. M., Allami, F. B. M., Alpaslan, F. S., Al-Zu'bi, M. A. A., Al-Mseidin, K. I. M., Biçer, D. F., Cetinkaya, H., David, O. A., Donato, S., Dural, S., Erickson, P., Ermakov, A. M., Ertuğrul, B., Fayankinnu, E. A., ... Zinurova, R. I. (2022). Factors Associated With Highest Symptoms of Anxiety During COVID-19: Cross-Cultural Study of 23 Countries. *Frontiers in Psychology*, 13, 805586. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.805586>
- Burkova, V. N., Butovskaya, M. L., Randall, A. K., Fedenok, J. N., Ahmadi, K., Alghraibeh, A. M., Allami, F. B. M., Alpaslan, F. S., Al-Zu'bi, M. A. A., Biçer, D. F., Cetinkaya, H., David, O. A., Donato, S., Dural, S., Erickson, P., Ermakov, A. M., Ertuğrul, B., Fayankinnu, E. A., Fisher, M. L., ...

- Zinurova, R. I. (2021). Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries. *Sustainability*, 13(7), 4017. <https://doi.org/10.3390/su13074017>
- Butovskaya, M. (2022). Cross-Cultural Methods in Sexual Psychology. In T. K. Shackelford, *The Cambridge Handbook of Evolutionary Perspectives on Sexual Psychology* (Vols 1, Foundations, pp. 304–326). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108943529.017>
- Butovskaya, M., Burkova, V., Apalkova, Y., Dronova, D., Rostovtseva, V., Karelin, D., Mkrtychyan, R., Nega-sheva, M., & Batsevich, V. (2021). Sex, population origin, age and average digit length as predictors of digit ratio in three large world populations. *Scientific Reports*, 11(1), 8157. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-87394-6>
- Butovskaya, M., Burkova, V., Karelin, D., & Filatova, V. (2019). The association between 2D:4D ratio and aggression in children and adolescents: Cross-cultural and gender differences. *Early Human Development*, 137, 104823. <https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2019.07.006>
- Butovskaya, M. L., Burkova, V. N., & Karelin, D. V. (2020). Does the Friendship Matters? Sharing, Fairness and Parochial Altruism in African Children and Adolescents. *Social Evolution & History*, 19(1). <https://doi.org/10.30884/seh/2020.01.05>
- Butovskaya, M. L., Burkova, V. N., Randall, A. K., Donato, S., Fedenok, J. N., Hocker, L., Kline, K. M., Ahmadi, K., Alghraibeh, A. M., Allami, F. B. M., Alpaslan, F. S., Al-Zu'bi, M. A. A., Biçer, D. F., Cetinkaya, H., David, O. A., Dural, S., Erickson, P., Ermakov, A. M., Ertuğrul, B., ... Zinurova, R. I. (2021). Cross-Cultural Perspectives on the Role of Empathy during COVID-19's First Wave. *Sustainability*, 13(13), 7431. <https://doi.org/10.3390/su13137431>
- Eriksen, T. H. (2004). *What is anthropology?* Pluto Press London.
- Fruehwirth, J. C., Biswas, S., & Perreira, K. M. (2021). The Covid-19 pandemic and mental health of first-year college students: Examining the effect of Covid-19 stressors using longitudinal data. *PLOS ONE*, 16(3), e0247999. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247999>
- Gelfand, M. J. (2021). Cultural Evolutionary Mismatches in Response to Collective Threat. *Current Directions in Psychological Science*, 30(5), 401–409. <https://doi.org/10.1177/09637214211025032>
- Gelfand, M. J., Raver, J. L., Nishii, L., Leslie, L. M., Lun, J., Lim, B. C., Duan, L., Almaliach, A., Ang, S., Arnadottir, J., Aycan, Z., Boehnke, K., Boski, P., Cabecinhas, R., Chan, D., Chhokar, J., D'Amato, A., Ferrer, M., Fischlmayr, I. C., ... Yamaguchi, S. (2011). Differences Between Tight and Loose Cultures: A 33-Nation Study. *Science*, 332(6033), 1100–1104. <https://doi.org/10.1126/science.1197754>
- Goldschmidt, W. (1966). *Comparative functionalism*. Univ of California Press. <https://doi.org/10.1525/9780520321649>
- Guan, Y., Deng, H., & Zhou, X. (2020). Understanding the impact of the COVID-19 pandemic on career development: Insights from cultural psychology. *Journal of Vocational Behavior*, 119, 103438. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2020.103438>
- Han, Q., Zheng, B., Cristea, M., Agostini, M., Bélanger, J. J., Gützkow, B., Kreienkamp, J., PsyCorona Collaboration, & Leander, N. P. (2021). Trust in government regarding COVID-19 and its associations with preventive health behaviour and prosocial behaviour during the pandemic: A cross-sectional and longitudinal study. *Psychological Medicine*, 53(1), 149–159. <https://doi.org/10.1017/S0033291721001306>
- Harris, M., Consorte, J. G., Lang, J., & Byrne, B. (1993). Who are the Whites?: Imposed Census Categories and the Racial Demography of Brazil. *Social Forces*, 72(2), 451. <https://doi.org/10.2307/2579856>

- Hofstede, G. (2001). Culture's Recent Consequences: Using Dimension Scores in Theory and Research. *International Journal of Cross Cultural Management*, 1(1), 11–17. <https://doi.org/10.1177/147059580111002>
- House, R. J., Hanges, P. J., Javidan, M., Dorfman, P. W., & Gupta, V. (Eds.). (2004). *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. Sage publications.
- Jones, P. S., Lee, J. W., Phillips, L. R., Zhang, X. E., & Jaceldo, K. B. (2001). An Adaptation of Brislin's Translation Model for Cross-cultural Research. *Nursing Research*, 50(5), 300–304. <https://doi.org/10.1097/00006199-200109000-00008>
- Karwowski, M., Kowal, M., Groyecka, A., Białek, M., Lebuda, I., Sorokowska, A., & Sorokowski, P. (2020). When in Danger, Turn Right: Does Covid-19 Threat Promote Social Conservatism and Right-Wing Presidential Candidates? *Human Ethology*, 35(1), 37–48. <https://doi.org/10.22330/he/35/037-048>
- Kluckhoh, N. C. (1953). Universal categories of culture. In A. L. Kroeber (Ed.), *Anthropology today* (pp. 507–523). Chicago: University of Chicago Press.
- Mækela, M. J., Reggev, N., Dutra, N., Tamayo, R. M., Silva-Sobrinho, R. A., Klevjer, K., & Pfuhl, G. (2020). Perceived efficacy of COVID-19 restrictions, reactions and their impact on mental health during the early phase of the outbreak in six countries. *Royal Society Open Science*, 7(8), 200644. <https://doi.org/10.1098/rsos.200644>
- Malinowski, B. (1922). *Argonauts of the Western Pacific: An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagoes of Melanesian New Guinea*. G. Routledge & Sons.
- Murdock, G. P. (1940). The Cross-Cultural Survey. *American Sociological Review*, 5(3), 361. <https://doi.org/10.2307/2084038>
- Murdock, G. P., Ford, C., Hudson, A., Kennedy, R., Simmons, L., & Whiting, J. (1987). Outline of cultural materials (with modifications). *Human Relations Area Files*. [AAM].
- Rodríguez, S., Valle, A., Piñeiro, I., González-Suárez, R., Díaz, F. M., & Vieites, T. (2021). COVID-19 Lock-down: Key Factors in Citizens' Stress. *Frontiers in Psychology*, 12, 666891. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.666891>
- Segall, M. H., Lonner, W. J., & Berry, J. W. (1998). Cross-cultural psychology as a scholarly discipline: On the flowering of culture in behavioral research. *American Psychologist*, 53(10), 1101–1110. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.53.10.1101>
- Sorokowska, A., Pellegrino, R., Butovskaya, M., Marczak, M., Niemczyk, A., Huanca, T., & Sorokowski, P. (2017). Dietary customs and food availability shape the preferences for basic tastes: A cross-cultural study among Polish, Tsimane' and Hadza societies. *Appetite*, 116, 291–296. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2017.05.015>
- Sperber, A. D. (2004). Translation and validation of study instruments for cross-cultural research. *Gastroenterology*, 126, S124–S128. <https://doi.org/10.1053/j.gastro.2003.10.016>
- Telles, E. E. (2001). Racial ambiguity among the Brazilian population. *Ethnic and Racial Studies*, 25(3), 415–441. <https://doi.org/10.1080/01419870252932133>
- Uz, I. (2015). The Index of Cultural Tightness and Looseness Among 68 Countries. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 46(3), 319–335. <https://doi.org/10.1177/0022022114563611>
- Vahratian, A., Blumberg, S. J., Terlizzi, E. P., & Schiller, J. S. (2021). Symptoms of Anxiety or Depressive Disorder and Use of Mental Health Care Among Adults During the COVID-19 Pandemic—

- United States, August 2020–February 2021. *MMWR. Morbidity and Mortality Weekly Report*, 70(13), 490–494. <https://doi.org/10.15585/mmwr.mm7013e2>.
- Артеев, С. П. (2022). Пандемия COVID-19: Конспирология и антиконспирология. *Власть*, 30(1). <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8781>
- Банников, К. Л. (2022). Антропный принцип. Заметки о пандемических временах и нравах. В В. Н. Буркова & М. Л. Бутовская (Ред.), *COVID-19 и поведение человека: Стресс, мифы и социальная реальность: Коллективная монография* (сс. 170–203). Нестор-История. <https://doi.org/10.31754/4469-2116-4.10>
- Буркова, В. Н., Бутовская, М. Л., & Зинурова, Р. И. (2021). Агрессия и тревожность до и во время COVID-19 (на основе опроса московских и казанских студентов). *Вопросы психологии*, 67(6), 65–77.
- Буркова, В. Н., Бутовская, М. Л., & Симаков, Н. Ю. (2022). Эмпатия и взаимопомощь до и во время COVID-19 (данные по московским студентам). *Вопросы Психологии*, 68(1), 28–40.
- Буркова, В. Н., Бутовская, М. Л., Феденок, Ю. Н., Ермаков, А. М., Колодкин, В. А., Сподина, В. И., & Зинурова, Р. И. (2022). Тревожность и агрессия во время COVID-19: На примере четырех регионов России. *Сибирские исторические исследования*, 2, 132–158. <https://doi.org/10.17223/2312461X/36/8>
- Буркова, В. Н., Каспарова, Е. Н., & Бутовская, М. Л. (2021). Тревожность и агрессия в условиях COVID-19: Половые и культурные различия (на примере Минска и Москвы). *Психиатрия, психотерапия и клиническая психология*, 4, 580–596. <https://doi.org/10.34883/PI.2021.12.4.001>
- Каспарова, Е. Н., Буркова, В. Н., Бутовская, М. Л., & Малецкая, В. П. (2021). Динамика показателей тревожности у жителей Беларуси в условиях COVID-19. *Современные проблемы формирования здорового образа жизни студенческой молодежи: материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (7–8 октября 2021 г., Минск, Беларусь)*, 68–76.
- Феденок, Ю. Н., & Буркова, В. Н. (2020). Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: Кросс-культурное исследование. *Сибирские исторические исследования*, 2, 6–40. <https://doi.org/10.17223/2312461X/28/1>
- Эльконин, Б. Д. (2004). К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте. *Вопросы психического здоровья детей и подростков*, 4(1), 68–77.

References

- Ankel, S. (2020). As China lifts its coronavirus lockdowns, authorities are using a color-coded health system to dictate where citizens can go. Here's how it works. *Business Insider*. <https://www.businessinsider.com/coronavirus-china-health-software-color-coded-how-it-works-2020-4>
- Arteev, S. P. (2022). COVID-19 Pandemic: Conspiracy and Anti-Conspiracy. *Vlast' (The Authority)*, 30(1). <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i1.8781> (In Russian).
- Bannikov, K. L. (2022). The Anthropic Principle. Notes on pandemic times and morals. In N. N. Burkova & M. L. Butovskaya (Eds.), *COVID-19 and Human Behavior: Stress, Myths, and Social Reality: A Collective Monograph* (pp. 170–203). Nestor-Istoriya. <https://doi.org/10.31754/4469-2116-4.10> (In Russian).

- Bendau, A., Kunas, S. L., Wyka, S., Petzold, M. B., Plag, J., Asselmann, E., & Ströhle, A. (2021). Longitudinal changes of anxiety and depressive symptoms during the COVID-19 pandemic in Germany: The role of pre-existing anxiety, depressive, and other mental disorders. *Journal of Anxiety Disorders*, 79, 102377. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2021.102377>
- Berry, J. W. (1969). On Cross-Cultural Comparability. *International Journal of Psychology*, 4(2), 119–128. <https://doi.org/10.1080/00207596908247261>
- Brislin, R. (1973). Questionnaire wording and translation. *Cross-Cultural Research Methods*, 32–58.
- Brooks, S. K., Webster, R. K., Smith, L. E., Woodland, L., Wessely, S., Greenberg, N., & Rubin, G. J. (2020). The psychological impact of quarantine and how to reduce it: Rapid review of the evidence. *The Lancet*, 395(10227), 912–920. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30460-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30460-8)
- Burkova, V. N., Butovskaya, M. L., & Simakov, N. Yu. (2022). Empathy and cooperation until and during COVID-19 (based on research of moscow students). *Voprosy Psichologii*, 68(1), 28–40. (In Russian).
- Burkova, V. N., Butovskaya, M. L., & Zinurova, R. I. (2021). Aggression and anxiety until and during COVID-19 (based on research of Moscow and Kazan students). *Voprosy Psichologii*, 67(6), 65–77. (In Russian).
- Burkova, V. N., Butovskaya, M. L., Fedenok, Y. N., Ermakov, A. M., Kolodkin, V. A., Spodina, V. I., & Zinurova, R. I. (2022). Anxiety and Aggression During COVID-19: On Example of Four Regions of Russia. *Siberian Historical Research*, 2, 132–158. <https://doi.org/10.17223/2312461X/36/8> (In Russian).
- Burkova, V. N., Butovskaya, M. L., Randall, A. K., Fedenok, J. N., Ahmadi, K., Alghraibeh, A. M., Allami, F. B. M., Alpaslan, F. S., Al-Zu'bi, M. A. A., Al-Mseidin, K. I. M., Biçer, D. F., Cetinkaya, H., David, O. A., Donato, S., Dural, S., Erickson, P., Ermakov, A. M., Ertuğrul, B., Fayankinnu, E. A., ... Zinurova, R. I. (2022). Factors Associated With Highest Symptoms of Anxiety During COVID-19: Cross-Cultural Study of 23 Countries. *Frontiers in Psychology*, 13, 805586. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.805586>
- Burkova, V. N., Butovskaya, M. L., Randall, A. K., Fedenok, J. N., Ahmadi, K., Alghraibeh, A. M., Allami, F. B. M., Alpaslan, F. S., Al-Zu'bi, M. A. A., Biçer, D. F., Cetinkaya, H., David, O. A., Donato, S., Dural, S., Erickson, P., Ermakov, A. M., Ertuğrul, B., Fayankinnu, E. A., Fisher, M. L., ... Zinurova, R. I. (2021). Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries. *Sustainability*, 13(7), 4017. <https://doi.org/10.3390/su13074017>
- Burkova, V. N., Kasparova, E. N., & Butovskaya, M. L. (2021). Anxiety and Aggression in the Context of COVID-19: Sex and Cultural Differences (on the Example of Minsk and Moscow). *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*, 4, 580–596. <https://doi.org/10.34883/PI.2021.12.4.001> (In Russian).
- Butovskaya, M. (2022). Cross-Cultural Methods in Sexual Psychology. In T. K. Shackelford, *The Cambridge Handbook of Evolutionary Perspectives on Sexual Psychology* (Vols 1, Foundations, pp. 304–326). Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108943529.017>
- Butovskaya, M. L., Burkova, V. N., & Karelin, D. V. (2020). Does the Friendship Matters? Sharing, Fairness and Parochial Altruism in African Children and Adolescents. *Social Evolution & History*, 19(1). <https://doi.org/10.30884/seh/2020.01.05>
- Butovskaya, M. L., Burkova, V. N., Randall, A. K., Donato, S., Fedenok, J. N., Hocker, L., Kline, K. M., Ahmadi, K., Alghraibeh, A. M., Allami, F. B. M., Alpaslan, F. S., Al-Zu'bi, M. A. A., Biçer, D. F., Cetinkaya, H., David, O. A., Dural, S., Erickson, P., Ermakov, A. M., Ertuğrul, B., ... Zinurova, R. I. (2021). Cross-Cultural Perspectives on the Role of Empathy during COVID-19's First Wave. *Sustainability*, 13(13), 7431. <https://doi.org/10.3390/su13137431>

- Butovskaya, M., Burkova, V., Apalkova, Y., Dronova, D., Rostovtseva, V., Karelin, D., Mkrtychyan, R., Negasheva, M., & Batsevich, V. (2021). Sex, population origin, age and average digit length as predictors of digit ratio in three large world populations. *Scientific Reports*, 11(1), 8157. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-87394-6>
- Butovskaya, M., Burkova, V., Karelin, D., & Filatova, V. (2019). The association between 2D:4D ratio and aggression in children and adolescents: Cross-cultural and gender differences. *Early Human Development*, 137, 104823. <https://doi.org/10.1016/j.earlhumdev.2019.07.006>
- Elkonin, B. D. (2004). To the problem of periodization of mental development in childhood. *Mental health issues in children and adolescents*, 4(1), 68–77. (In Russian).
- Eriksen, T. H. (2004). *What is anthropology?* Pluto Press London.
- Fedenok, Y. N., & Burkova, V. N. (2020). Social distancing as altruism in the context of the coronavirus pandemic: A cross-cultural study. *Siberian Historical Research*, 2, 6–40. <https://doi.org/10.17223/2312461X/28/1> (In Russian).
- Fruehwirth, J. C., Biswas, S., & Perreira, K. M. (2021). The Covid-19 pandemic and mental health of first-year college students: Examining the effect of Covid-19 stressors using longitudinal data. *PLOS ONE*, 16(3), e0247999. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247999>
- Gelfand, M. J. (2021). Cultural Evolutionary Mismatches in Response to Collective Threat. *Current Directions in Psychological Science*, 30(5), 401–409. <https://doi.org/10.1177/09637214211025032>
- Gelfand, M. J., Raver, J. L., Nishii, L., Leslie, L. M., Lun, J., Lim, B. C., Duan, L., Almaliach, A., Ang, S., Arnadottir, J., Aycan, Z., Boehnke, K., Boski, P., Cabecinhas, R., Chan, D., Chhokar, J., D'Amato, A., Ferrer, M., Fischlmayr, I. C., ... Yamaguchi, S. (2011). Differences Between Tight and Loose Cultures: A 33-Nation Study. *Science*, 332(6033), 1100–1104. <https://doi.org/10.1126/science.1197754>
- Goldschmidt, W. (1966). *Comparative functionalism*. Univ of California Press. <https://doi.org/10.1525/9780520321649>
- Guan, Y., Deng, H., & Zhou, X. (2020). Understanding the impact of the COVID-19 pandemic on career development: Insights from cultural psychology. *Journal of Vocational Behavior*, 119, 103438. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2020.103438>
- Han, Q., Zheng, B., Cristea, M., Agostini, M., Bélanger, J. J., Gützkow, B., Kreienkamp, J., PsyCorona Collaboration, & Leander, N. P. (2021). Trust in government regarding COVID-19 and its associations with preventive health behaviour and prosocial behaviour during the pandemic: A cross-sectional and longitudinal study. *Psychological Medicine*, 53(1), 149–159. <https://doi.org/10.1017/S0033291721001306>
- Harris, M., Consorte, J. G., Lang, J., & Byrne, B. (1993). Who are the Whites?: Imposed Census Categories and the Racial Demography of Brazil. *Social Forces*, 72(2), 451. <https://doi.org/10.2307/2579856>
- Hofstede, G. (2001). Culture's Recent Consequences: Using Dimension Scores in Theory and Research. *International Journal of Cross Cultural Management*, 1(1), 11–17. <https://doi.org/10.1177/147059580111002>
- House, R. J., Hanges, P. J., Javidan, M., Dorfman, P. W., & Gupta, V. (Eds.). (2004). *Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies*. Sage publications.
- Jones, P. S., Lee, J. W., Phillips, L. R., Zhang, X. E., & Jaceldo, K. B. (2001). An Adaptation of Brislin's Translation Model for Cross-cultural Research. *Nursing Research*, 50(5), 300–304. <https://doi.org/10.1097/00006199-200109000-00008>
- Karwowski, M., Kowal, M., Groyecka, A., Białek, M., Lebuda, I., Sorokowska, A., & Sorokowski, P. (2020). When in Danger, Turn Right: Does Covid-19 Threat Promote Social Conservatism and Right-

- Wing Presidential Candidates? *Human Ethology*, 35(1), 37–48.
<https://doi.org/10.22330/he/35/037-048>
- Kasparova, E. N., Burkova, V. N., Butovskaya, M. L., & Maletskaya, V. P. (2021). Dynamics of Anxiety Indicators in Residents of Belarus under COVID-19. *Contemporary Problems of Forming Healthy Lifestyle of Student Youth: Materials of the IV International Scientific and Practical Internet-Conference (October 7-8, 2021, Minsk, Belarus)*, 68–76. (In Russian).
- Kluckhoh, N. C. (1953). Universal categories of culture. In A. L. Kroeber (Ed.), *Anthropology today* (pp. 507–523). Chicago: University of Chicago Press.
- Mækela, M. J., Reggev, N., Dutra, N., Tamayo, R. M., Silva-Sobrinho, R. A., Klevjer, K., & Pfuhl, G. (2020). Perceived efficacy of COVID-19 restrictions, reactions and their impact on mental health during the early phase of the outbreak in six countries. *Royal Society Open Science*, 7(8), 200644. <https://doi.org/10.1098/rsos.200644>
- Malinowski, B. (1922). *Argonauts of the Western Pacific: An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagoes of Melanesian New Guinea*. G. Routledge & Sons.
- Murdock, G. P. (1940). The Cross-Cultural Survey. *American Sociological Review*, 5(3), 361. <https://doi.org/10.2307/2084038>
- Murdock, G. P., Ford, C., Hudson, A., Kennedy, R., Simmons, L., & Whiting, J. (1987). Outline of cultural materials (with modifications). *Human Relations Area Files*. [AAM].
- Rodríguez, S., Valle, A., Piñeiro, I., González-Suárez, R., Díaz, F. M., & Vieites, T. (2021). COVID-19 Lock-down: Key Factors in Citizens' Stress. *Frontiers in Psychology*, 12, 666891. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.666891>
- Segall, M. H., Lonner, W. J., & Berry, J. W. (1998). Cross-cultural psychology as a scholarly discipline: On the flowering of culture in behavioral research. *American Psychologist*, 53(10), 1101–1110. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.53.10.1101>
- Sorokowska, A., Pellegrino, R., Butovskaya, M., Marczak, M., Niemczyk, A., Huanca, T., & Sorokowski, P. (2017). Dietary customs and food availability shape the preferences for basic tastes: A cross-cultural study among Polish, Tsimane' and Hadza societies. *Appetite*, 116, 291–296. <https://doi.org/10.1016/j.appet.2017.05.015>
- Sperber, A. D. (2004). Translation and validation of study instruments for cross-cultural research. *Gastroenterology*, 126, S124–S128. <https://doi.org/10.1053/j.gastro.2003.10.016>
- Telles, E. E. (2001). Racial ambiguity among the Brazilian population. *Ethnic and Racial Studies*, 25(3), 415–441. <https://doi.org/10.1080/01419870252932133>
- Uz, I. (2015). The Index of Cultural Tightness and Looseness Among 68 Countries. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 46(3), 319–335. <https://doi.org/10.1177/0022022114563611>
- Vahratian, A., Blumberg, S. J., Terlizzi, E. P., & Schiller, J. S. (2021). Symptoms of Anxiety or Depressive Disorder and Use of Mental Health Care Among Adults During the COVID-19 Pandemic—United States, August 2020–February 2021. *MMWR. Morbidity and Mortality Weekly Report*, 70(13), 490–494. <https://doi.org/10.15585/mmwr.mm7013e2>